Добрыня и змея

Ай да прежде Резань да слободой слыла,
Ай да ныньце да славной город стал.
Ай да в том ле Резани славном городи
А да жил-то Микитушка Романович,
А да жил-то Микитушка не старилса,
Ай середи веку Микитушка преставилса.
Вот осталасе у его да молода жона,
Вот осталасе ёна, право, беременна.
А невножко прошло да поры-времени,
Вот родила она своё да чадо милое.
Собирали тут попов, дьяков, причетников,
Окрестили ее́ да чадо милоё,
Нарекали ему баско новоё имецько —
Молодыя Добрынюшка Микитиц блад.
А ростёт тут ле Добрыня лет до двенадцети,
Ён стал хватать приправу богатырскую,
Он сперва хватил копейцо бурзомецкоё —
Хорошо владет удалой доброй молодец;
Он еще хватил ле палицу буёвую —
Хорошо владет удалой доброй молодец;
Он еще хватил саблю, право, ведь вострую —
Хорошо владет удалой доброй молодец;
Он ведь сдумал еще ехать ко синю морю.
Посмотреть ему захотелось морё синёё,
Он и стал просить у матушки благословленьицо.
Он и падал ей сам во резвы ноги —
Не дават ему благословленьица.
Кабы падал Добрыня во второй након,
Уж и просит у ей благословеньица;
Он и падал, Добрыня, во третéй након:
«Уж ты ой еси, родимая моя матушка!
Уж ты дай же мне-ка благословленьицо,
Я ведь съежжу, схожу да до синя моря».
А дават она ему благословленьицо,
А с буйной своей главы да до сырой земли,

Кабы стала она ему ноньце наказывать,
А бы стала она ему да наговаривать:
«А доедешь ты, дитя, да до синя моря,
Приюстанетца тебе, да припотеетца,
А захочетца покупатца да во синём мори.
Во синём-то мори есть три быстры струи,
А третья-то ле струя да зла-омманчива,
А да вынесёт тебя да на синё морё,
А нале́тит на тебя да змея лютая,
Кабы станет она тебя кругом обле́тывать,
А обваживать свои хо́боты змеинныи.
Не боитца она копейца бурзомецкого,
Не боитца она ведь палицы буёвоей,
Не берёт ее са́белька, право, вострая,
А боитца она ведь прутиков железныих.
Ты сходи-ко на́перво в нову кузницу,
Уж ты скуй-ко ныньце, право, три прутика:
А первой-от прутик скуй железной же,
Да второй-от прутик ныньце менной же,
А третье́й-от прутик оловянной бы».
Он пошел ле, Добрыня, нову кузницу,
Как сковал первой прутик он железной же,
А второй-от прутик ноньце менной ведь,
А третье́й-от прутик оловянной же.
Ён он брал свою уздилочку точмянную,
Он пошел себе брать коня доброго.
Он заходит ведь, Добрыня, во конюшен двор,
Он берёт себе коня, право, семи цепей,
А семи цепей, семи розьвезей,
Ёбуздал-ёбседлал да коня доброго.
Он ведь стал тут, Добрыня, снаряжатися,
А-де стал-то Добрыня сподоблетися,
Он берёт ’сю приправу да молодецкую:
А сперва берёт копейцо да бурзомецкоё,
А затим берёт ле палицу буёвую,
А еще берёт саблю да, право, вострую,
А ведь взял эти с собой, право, три прутика.
Вот средилса-сподобилса да доброй молодец,
А не видели его поездки да молодецкоей,

А увидели: в поли курива стоит,
Курива ле стоит да дым столбом валит.
Он ведь здраво прогонил да полё чистое,
Доежжает сам до моря до синяго,
Ён до тих крутых-баских да, право, бережков,
До жёлты́х еще песков да до макарьевских.
Ён поставил свой шатёр да белобархатной,
Он насыпал пшаны да белояровой.
Захотелось ему покупатца во синём мори,
Скиновал с себя ле сам да платьё чветноё,
Он побрёл тут, Добрыня, во синё морё.
Кабы стретилась ему, право, перва струя,
Он ведь поплыл, Добрыня, через перву струю,
Ой да стретилось ему, право, друга струя,
О да поплыл Добрыня через другу струю.
Хорошо ему, право, да приглянулосе,
Кабы поплыл Добрыня через третью струю,
А третья́-то ле струя да зла-омманчива,
А да вынесла его да на синё морё,
Да стала его носить да по синю морю.
Налетела на его да змея лютая,
А да стала она кругом его облётывать,
А овваживать стала хоботы змеиныя:
«Я хоцю тебя, Добрыня, нонь живком сглону,
Я хоцю тебя, Добрыня, на воды стоплю».
Побоялса он угроз, право, змеиныих,
Он нырнул тут, Добрыня, да во синё морё,
Он вынировал ко своему платью чветному,
Надеват ле своё он платьё чветноё,
Он заходит, Добрыня, во белой шатёр.
Не юспел тут Добрыня-та ёгня добыть,
Не юспел тут Добрыня-та котла сварить —
Налетела на шатёр да змея лютая,
Говорит ище ему да змея лютая:
«Я хоцю тебя, Добрыня, на огни спалю,
Я хоцю тебя, Добрыня, во котле сварю».
Ай да эти ему реци не по разуму,
За велику ему досаду показалосе,
Он хватил тут змею да за косы, право,

Он хватил свой, право, жалезной прут,
Он ведь стал тут змею, право, посте́гивать,
Да стала тут змея да изви́ватисе:
«Ты не бей-ко, юдалой доброй молодец,
Не стегай ты меня, да змею лютую!»
Он пуще стал змею, право, похво́стывать.
Говорит-де ему да змея лютая:
«Ты не бей же меня, да змею лютую,
Уж я дам же тебе да золоту казну!»
Он и пуще стал змею, право, постегивать,
Изломал ле он нынь, право, железной прут,
Он хватил ищэ, право, да менной прут,
Ён пуще стал стегать да змею лютую,
Говорит ему змея да, право, лютая:
«Ты не бей меня, удалой доброй молодец,
Я те дам ныньце коня ищэ доброго!»
Говорит ле Добрыня змеи лютоей:
«Ты сулишь ле змея да сё омманывашь».
Изломался у его да, право, менной прут,
Он хватил ище нынь, право, оловянной прут,
Ён пуще стал стегать да змею лютую,
По-худому змея да извиваетца,
А конается удалому доброму молодцу:
«Ты не бей же меня, да змею лютую,
Я те дам ище собя, да красную девицу!»
Он ведь пуще стал змею ище постегивать,
Оловянной прут у него не ломитсе,
Говорит тут удалой доброй молодец:
«Ты сулишь ле, змея, да сё омманывашь».
Она выблевала сперва ему золоту казну,
Она выблевала затим да коня доброго,
Ищэ выблевала ему да красну девицу,
А говорит ищэ змея ему, конаетца:
«Ты спусти меня, удалой доброй молодец!»
Он спустил тут змею да, право, лютую,
Собиратца стал юдалой доброй молодец,
Он сломал свой шатёр да белобархатной,
Обседлал он коней, право, добрыих,
А садилса-сподобилса доброй молодец,

Он ётправилса-поехал с красной девицой,
Он нещадно повёз да золотой казны,
Он поехал ко родимой своей матушке.
Доеждяют ле они да до своя места,
До высокаго нова да, право, терема.
Ювидала тут его да родна матушка:
«Кабы едёт ле моё да чадо милое,
Позади его едёт да красна девица».
Как выходит ле его да родна матушка,
А выходит она да на красно крыльцо,
А стрецяет ле Добрынюшку Микитиця,
А стрецяет ле она да красну девицу.
Как заходят они ноньце во высок терем,
Обручились, поменелись они злачны персни,
Обвенчалисе, сошлись они в божьей церкви.
Кабы собрали они руських богатырей,
Кабы сделали они, право, почесен пир,
Пировали-столовали трои суточки.
После того было ищэ после пира
Выводили, повалили во теплу лежню.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: май — июнь 1902 г., д. Рощинский ручей (на р. Печоре) Усть-Цилемской вол. — от Торопова Игнатия Васильевича, 69 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904. (Зап. РГО по отделению этнографии; Т. 30).